

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
С18

Серия «Боевая фантастика»

Оформление обложки *В. Ульянова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

С18 Санфи́ров, Александр Юрьевич

Лыжник: роман / Александр Санфи́ров. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2019. — 352 с. — (Боевая фантастика).

ISBN 978-5-17-113430-3

Александр Петров не в курсе, как сделать автомат Калашникова, не силен в экономике и не знает, что советовать Брежневу. Он даже не помнит особо дат и событий прошлого, хотя прожил длинную жизнь. Волей providения его сознание в момент смерти перенеслось в его же тело, но на пятьдесят лет назад. Перед ним появляется море возможностей прожить совсем другую жизнь; зная будущее, это сделать не так уж сложно. Но он решает остаться в спорте и добиться в нем лучших результатов, чем были у него в прошлой жизни.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-113430-3

© Александр Санфи́ров, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Глава первая

— На сегодня все, молодцы, отлично откатали, — сообщил седой, плечистый мужчина в спортивном костюме десятку парней, снимающих лыжероллеры. — Завтра тренировка в десять утра, не опаздывайте!

После этих слов он повернулся и, сильно прихрамывая, направился в сторону автобусной остановки.

— Чего не предложил подвезти? — спросил светловолосый паренек у стоявшего рядом товарища.

— Как будто не знаешь, — огрызнулся тот. — Александр Петрович всегда пешком домой добирается.

— Ты заметил, он в последнее время сильнее хромает? — озабоченно сказал светловолосый. — Мне кажется, у него опять боли появились.

— Да он всю жизнь хромает, — беспечно сообщил высокий парень с породистым лицом. — Наш Петрович еще фору может молодым дать. Давай, Вован, заводи свою тачку, что-то после тридцатки домой пехом ноги не идут.

А у Александра Петровича Петрова, старшего тренера ДЮСШ № 2, действительно разболелась нога. Старая травма долго не напоминала о себе,

но после шестидесяти лет болячка неожиданно проснулась и набросилась с новой силой на пожилого человека.

— Водки, что ли, выпить, — размышлял он, проходя мимо сверкающих витрин супермаркета. — Ведь опять не усну полночи.

Приняв решение, Александр Петрович зашел в магазин и, отстояв небольшую очередь, вышел из дверей с пластиковым пакетом. В это время ему навстречу поднимались по ступенькам трое подвыпивших подростков. Один из них ловко выхватил из рук мужчины пакет и попытался убежать. К удивлению хулиганов, хромой старик оказался неожиданно быстр и успел ногой, обутой в кроссовку, ударить грабителя по лодыжке. Запутавшись в своих ногах, тот кубарем покатился по ступенькам, пакет вылетел из его рук, и содержимое разбитой бутылки растеклось по истоптанным грязным плиткам.

Стоявший сбоку мальчишка резко толкнул тренера. Поскользнувшись на больной ноге, тот тоже упал и сильно ударился затылком о ступеньку. Оба парня в оцепенении глядели, как из-под головы старика появилась темная кровавая лужица.

— Вы что, полудурки, натворили! — плачущим голосом закричал поднявшийся к ним мальчишка. — Здесь же камеры кругом стоят! Нас посадят! Бежим нах отсюда! — И первым рванул в темноту.

Упавшему старику, заслуженному тренеру республики, воспитавшему не одного чемпиона Советского Союза и просто давшему путевку

в спортивную жизнь десяткам трудных подростков, бегство троицы было уже безразлично. Только губы мертвеца оставались изогнуты в легкой снисходительной усмешке.

* * *

Изо рта облаком пара вырывалось судорожное дыхание. В мозгу билась мелодия песни, беззвучно повторяемая губами:

Пока ходить я умею,
Пока глядеть я умею,
Пока дышать я умею,
Я буду идти вперед...

Эти строчки повторялись рефреном, и в такт им мощно работали ноги, продвигая лыжи, а руки резко отталкивались палками.

— Сашка! Хорошо идешь! — прозвучал отцовский голос со стороны. — Наддай на подъеме.

От неожиданности Александр Петрович остановился и посмотрел в сторону, откуда прозвучал так давно не слышанный голос.

Он стоял на лыжне, пробитой по засыпанной снегом лесной дороге... На ярко-голубом небе сияло солнце, белейший снег сверкал под его лучами, невдалеке стояла кучка тренеров, среди которых находился его отец, озадаченно смотрящий на него.

«Это что, сон?!» — подумал Александр Петрович, и в этот момент его по плечу ударила лыжная

палка, и со словами «Лыжню!» его обогнал одноклассник Витька Васильев.

— Что встал столбом? — недовольно закричал отец, и семиклассник Сашка Петров ринулся догонять своего постоянного соперника.

«Какой отличный сон!» — думал он, с ходу штурмуя очередной крутой подъем и обходя сразу десяток лыжников.

За спуском следовал знакомый поворот, и тут Сашка сразу понял, что ему снится трасса у стадиона «Динамо», где он когда-то, сорок пять лет назад, получил свой первый юношеский разряд. Витькина спина маячила метрах в десяти впереди, и Саша прибавил ход, надеясь прервать традицию оставаться вечно вторым в давнем соревновании. Между тем в ногах нарастала слабость, они становились ватными и непослушными. Лес закончился, метрах в трехстах впереди показались деревянные трибуны стадиона, где должен быть финиш.

— Сейчас ты устроишь спурт, — приказал взрослый Александр Петрович своему мальчишескому телу. Но тело прибавить не могло. Единственно, что удалось сделать — почти догнать Васильева у финишной черты и рядом с ним рухнуть на снег. Набившийся в рот холодный снег заставил по-новому взглянуть на окружающее.

«Так это, похоже, не сон?» — засомневался тренер. И тут в его сознании молнией проскочили последние мгновения его жизни до момента попадания на лыжню. «Значит, меня убили и я снова мальчишка», — с какой-то отстраненностью подумал он.

— Ну чо, Пеша, как я тебя сделал? — раздался ехидный, задыхающийся шепот лежащего рядом Витьки.

— Это в последний раз, — сказал Сашка и поднялся. Отряхнувшись, он отстегнул крепления и, пристально оглядев знакомые лыжи «Сортавала», направился к отцу, оживленно обсуждающему с коллегами сегодняшние старты. Озадаченный Витька посмотрел ему вслед, удивляясь спокойствию своего конкурента и отсутствию у того злых слез от очередной неудачи.

Случившееся событие никак не укладывалось в голове старого тренера, однако возраст и фатализм, свойственный пожилым людям, не давали ему сорваться в истерику.

«Еще успею все обдумать, — успокаивал он себя. — Это же надо! Я попал в свое детство! Что же теперь будет?»

Понемногу его начала охватывать эйфория, лицо расплылось в улыбке.

«Только бы ничего не исчезло! — взмолился он всем богам сразу. — Неужели я смогу прожить еще одну жизнь?»

Отсутствие рвущих болей в тазобедренном суставе и необычайная яркость восприятия казались невероятным благом. Радостные мысли были прерваны раздраженным голосом отца:

— Сашка, ты что сегодня учудил? Зачем остановился, целую минуту потерял, ведь мог в десятку попасть.

Александр Петрович молчал, уставившись в знакомое лицо. Удивительное дело! Он, человек шестидесяти лет, глядя на своего тридцати-

восьмилетнего отца, судорожно боролся с желанием броситься ему на шею и восторженно заорать: «Папка! Ты живой! Здравствуй, как я рад тебя видеть!»

Но он, конечно, не заорал, мозг пожилого человека лихорадочно просчитывал линию поведения, чтобы не ляпнуть лишнего и не привлечь к себе ненужное внимание.

— Сам не понимаю, — смущенно ответил он на вопрос отца. — Ты что-то крикнул, я не разобрал и остановился, подумал, что-то важное.

Пара тренеров, стоявших рядом с бате́й, засмеялись.

— Ну, Саныч, надо было тебе громче кричать, — сквозь смех сказал один из них. — Парень у тебя глуховат, оказывается.

— Никакой он не глухой! — возмутился отец. — Не понимаю, что на него нашло сегодня. Ладно, Саша, езжай домой, маме передай, что я немного задержусь.

После этого он вновь углубился в беседу с коллегами, не обращая на сына внимания.

Александр Петрович понятливо ухмыльнулся про себя: «Все с вами ясно. Наверняка у Богданова, как обычно, бутылка в рюкзаке. То-то батя меня спрашивает, боится, что маме все расскажу».

При мысли о матери его опять переключило.

«Неужели я ее скоро увижу», — думал он, уставившись в никуда.

— Да что с тобой творится сегодня? — возмутился отец. — Опять в облаках витаешь? Быстро на лыжи и дуй до дому!

Сашка всунул носки лыжных ботинок в рэтэ-феловские крепления, закрепил дужки петушками и двинулся в путь. Соревнования закончились, и сейчас в сторону города по лыжне, не торопясь, двигались сотни людей. Удивительное дело, если несколько минут назад во время гонки он не чувствовал веса лыж, то сейчас неуклюжие лыжи Сортавальской фабрики раздражали своей тяжестью.

«Надо у отца “Эстонию” или, на худой конец, “Карелию” выклянуть, все лучше, чем эти доски, — проскочила в голове неожиданная мысль. — Хотя не даст он ни фи́га, скажет, вначале первый разряд выполни».

Александр Петрович вздохнул, вспомнив пластик, которого ему не видать еще лет восемь.

«Ну, дурак... надо решать, как дальше жить и что делать, а я о лыжах размышлялся», — спохватился он, вспомнив о случившемся. Во время этих размышлений ноги сами несли его в сторону дома по лыжне, отмеченной желтыми флажками из крашеной стружки.

Тело, после «пятерки» остававшееся непослушным, быстро возвращалось к нормальному состоянию. Ускорившись, он начал обгонять лыжников, идущих прогулочным шагом. Те дорожку не уступали, поэтому их приходилось обгонять по снежной целине. К счастью, через пару километров пришлось съехать с лыжни и дальше пешком добираться до дома. Знакомой дорогой он неторопливо шел, разглядывая деревянные одноэтажные дома городской окраины. Вскоре оказался их трехэтажный дом, великаном возвышающийся среди них.

Автоматически отметив отсутствие рядом новых высоток, Саша зашел в подъезд. Поздоровавшись с соседом, бегом поднялся на третий этаж и, чувствуя, как бешено бьется сердце, нажал трясущейся рукой кнопку звонка.

Послышались торопливые шаги, дверь распахнулась, на Сашку с улыбкой глядела мама. В первый момент он ее не узнал, в его памяти она осталась невысокой седой старушкой, а сейчас он перед собой видел молодую темноволосую девушку, притом очень красивую. Мама, видимо, стряпала перед его приходом, ее руки были в муке. Она вытирала их полотенцем и вопросительно смотрела на него.

— Мама? — неожиданно пересохшим ртом проямлил Сашка. — Я тебя так люблю. Как здорово, что ты у меня есть!

Он поставил лыжи в угол и обнял её за плечи. Та в недоумении смотрела на него. Внезапно в маминых глазах зажглось понимание.

— Саша, признавайся, что натворил в этот раз, вчера дневник не показал, опять кучу двоек принес? — негромко сказала она и высвободилась из его объятий.

Александр Петрович был без понятия, какие оценки у него в дневнике и в тетрадках, поэтому начал уверять маму, что завел этот разговор не из-за своих проступков.

Несмотря на то что от сегодняшнего времени его отделяло сорок четыре года, руки в это время без проблем нашли нужную вешалку для одежды.

— Ну, хватит оправдываться, — нетерпеливо сказала мама. — Переодевайся и садись за

стол. После соревнований наверняка есть хочется.

Сашка кивнул головой и, повесив лыжи с палками на гвоздь в прихожей, прошел в свою комнату. Ничего нового он там не увидел. В небольшой комнатке слева у стены стояла его кровать, застеленная покрывалом, рядом разместился стул с висевшей на нем домашней одеждой. На старом письменном столе царил беспорядок. Тетрадки, учебники лежали вперемежку с самодельными платами, радиодеталями и паяльником. Тут же оказался и журнал «Юный техник», раскрытый на схеме транзисторного приемника. Под столом сиротливо валялся портфель.

Саша подошел к книжным полкам, висевшим на стене у стола, и стал рассматривать книги. Стопка потрепанных журналов «Искатель» лежала там, где он помнил. Два десятка книжек фантастики вперемежку с учебниками стояли рядом. На первой полке расположился десяти томник детской энциклопедии, первые тома которого были потрепаны не менее, чем журналы. У правой стены стоял большой аквариум с шустро плавающими в нем рыбками.

Отчего-то радостный подъем, с которым Александр Петрович направлялся домой, резко оборвался. Саша сел на кровать и задумался. Однако долго думать не получилось, Мама, войдя в комнату, с возмущением воскликнула:

— Ты чего расселся? Быстро переодевайся, вымой руки и садись за стол. И помни, твои пока тушки от уборки квартиры не освобождают. Так что после обеда полчаса отдохнешь, потом нач-

нешь мыть полы. И уроки на завтра не забудь сделать. А то как вчера портфель за стол закинул, так к нему и не прикасался. Да, папа не говорил, когда его ждать?

— Сказал, задержится, — буркнул Саша и принялся переодеваться. Его настроение продолжало резко ухудшаться.

«Вот чему я так обрадовался? — думал он в это время. — Еще три года придется в школе учиться, я же с ума там сойду. О чем мне с детьми разговаривать? Да и учителя все младше меня в два раза. И ведь не объяснишь никому! Вмиг в дурку укатают».

От прихлынувшей злости он заскрипел зубами. За обедом, однако, ему стало легче, наверное, в большей степени это объяснялось пельменями домашней лепки, таких он не пробовал лет двадцать и сейчас уплетал их так, что за ушами трещало. После обеда накатила сонливость. Но он мужественно боролся с ней, зная, что вскоре ему вручат тряпку и ведро.

Через два часа после этого квартира блестела вымытыми полами. Мама озадаченно ходила по комнатам, не зная, к чему придраться. Плинтуса сверкали, отмытые от пыли. Из-под шкафа был тщательно выгребен весь мусор. Под кроватями не осталось ни малейшего пыльного следа. Унитаз в туалете блестел, как новый.

— Господи! Саша! Что с тобой случилось? — как в трансе, повторяла мама, не веря своим глазам.

«Что случилось, что случилось, — мысленно усмехнулся сын, проживший почти в два раза

больше лет, чем мама. — Двадцать лет поживешь один, и не тому научишься».

В это время в прихожей закрипела дверь, и загремели лыжи, упавшие с гвоздя.

— Петя, не ломай там ничего! — закричала мама. — Твой сын в кои веки-то уборку сделал как надо, так хоть ты не мусори.

— Я не мусорю, просто лыжи свалились, — раздался голос отца.

Услышав его, мама нахмурилась.

— Петюня, дорогой, ты, случайно, не выпил? — с подозрением спросила она.

— Что ты, родная. Как можно? Мы с тезкой, Петром Федоровичем, чисто символически, по рюмочке коньячка тяпнули, и по домам.

С этими словами из-за дверей появился Петр Александрович и сразу полез с объятьями к жене.

Та недовольно оттолкнула его.

— Петя, ну сколько можно говорить, — устало сказала она. Муж глазами показал в сторону сына, и Клавдия Васильевна замолчала.

Молчала она недолго.

— Саша, марш в комнату, делать уроки, — железным голосом скомандовала она. — А мы с папой поговорим.

Саше по-мужски стало жалко отца. Сам он был давно разведен и мог алкоголизироваться в любое желаемое время. Правда, этим обстоятельством не злоупотреблял, собственно, как и общением с женщинами. После второго развода и раздела имущества он стал очень осторожен и старался в отношениях с противоположным полом не допускать особой близости.